Синтаксические особенности поздних ойратских переводных памятников (на материале рукописи перевода Тугмюд-гавджи *Oülgurun dalai* «Море притч»)

Музраева Деляш Николаевна, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста); deliash@mail.ru

В статье дается описание синтаксических особенностей текста перевода известного буддийского сочинения «Море притч» (*Oülgurun dalai*), осуществленного калмыцким священнослужителем Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиевым) (1887—1980) в конце 1960-х гг. Этот труд являет собой образец перевода на наиболее позднем временном этапе бытования ойратской письменности среди калмыков Поволжья. На основе анализа текста перевода Тугмюд-гавджи в сопоставлении с его тибетским оригиналом автор статьи отмечает ряд характерных синтаксических черт, присущих языку перевода калмыцкого литератора. Они касаются порядка слов в предложении, типов предложений (по цели высказывания, структурных типов и т. д.). В ряде случаев переводчик строго следует синтаксису тибетского оригинала, но, как это почти всегда бывает при фактах интерференции, это следование не является жестким. В предложениях, различных по цели высказывания, наблюдается большая степень зависимости от тибетского оригинала. В передаче структурных типов предложений переводчик в большинстве примеров следует за оригиналом. В работе показано, что Тугмюд-гавджи придерживается техники перевода, характерной для дословных переводов буддийских текстов, сложившейся во второй половине XVII в. и применявшейся Зая-Пандитой. Эта техника сводится к тому, что автор строго придерживается исходного тибетского текста, стараясь не выпускать из перевода фрагменты или отдельные слова оригинала. Наблюдения свидетельствуют о хорошем знании тибетского языка переводчиком и о заметном тибетском влиянии на письменный ойратский язык в его становлении за счет практики переводов буддийских текстов.

Ключевые слова: ойратское «ясное письмо» (*todo bičiq*), «Море притч», Тугмюд-гавджи, синтаксис, порядок слов, дословный перевод

SYNTACTIC FEATURES OF LATE OYIRAT TRANSLATED MONUMENTS (BASED ON THE MANUSCRIPT WITH THE TRANSLATION OF TUGMUD-GAVJI *OÜLGURUN DALAI* "THE SEA OF PARABLES")

Delyash N. Muzraeva, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista); deliash@mail.ru

The paper describes the syntactic features of the text of the translation of the well-known Buddhist work “The Sea of Parables”, carried out by Kalmyk cleric Tugmud-gavji (*Thog-med bka'-bcu*, secular name — O. M. Dordzhiev) (1887—1980) in the late 1960s. This work is an example of the translation of the latest stage of the existence of the Oyirat writing among the Kalmyks of the Volga region.

In this work we have involved written sources from the Archive of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences: a manuscript in Oyirat “Clear Script” (*‘todo bičiq’*), called “The Sea of Parables” (*Oülgurun dalai*, notebooks 1—4, 289 folios), translated by Tugmud-gavji, as well as the Tibetan text *‘Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po’i mdo* (“The Mahāyāna Sutra called “The Wise and the Fool””), which served as the basis for translation.

Based on the analysis of the translation text of Tugmud-gavji in comparison with its Tibetan original, the author of the article notes a number of characteristic syntactic features inherent in the translation language of the Kalmyk literator. They relate to the order of words in the sentence, the types of sentences (according to the purpose of the statement, structural types, etc.). In a number of examples, the translator strictly follows the syntax of the Tibetan original, but, as is almost always observed with the facts of interference, this following is not rigid. In sentences differing in the purpose of the statement, there is a great degree of dependence on the Tibetan original. In the transmission of structural types of sentences, the translator in most examples follows the original. The work demonstrates that Tugmud-gavji adheres to the translation technique characteristic of literal (word-to-word) translations of Buddhist texts, which developed in the second half of the 17th century, which was used by Zaya Pandita and which consists in the fact that the author strictly adheres to the original Tibetan text, trying not to release fragments or some words of the original from the translation. Observations indicate a good knowledge of the Tibetan language by the translator and a noticeable Tibetan influence on the written Oyirat language in its formation through the practice of translating Buddhist texts.

Keywords: Oyirat “Clear Script” (*‘todo bičiq’*), “The Sea of Parables”, Tugmud-gavji, syntax, word order, literal (word-to-word) translation

Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).

1. Введение

Сведений о переводческой деятельности калмыцких буддийских священнослужителей в период, когда в стране проводилась политика атеизации, практически не сохранилось. Все меньше остается живых свидетелей того, как уничтожались буддийские религиозные книги, равно как и предметы культа. Это то поколение простых верующих (мирян), родившееся в 1920-е гг. и позже, чье детство и отрочество пришлось на годы депортации, которое выросло в обстановке подозрения, невозможности выражать свою принадлежность к буддийской вере и религиозной культуре, поколение, воспитываемое в духе строителей коммунизма. Тем не менее, история свидетельствует о тех сильных духом людях, для которых вероисповедание, приверженность буддизму были важными признаками национальной самоидентификации и духовной независимости. Многие из них не смогли выдержать тягот ссылки (еще на этапе следования до места назначения) и ушли из жизни. Но многие из тех, кто выжил, независимо от того, являлись ли они гелюంగాми (монахами, получившими полное посвящение, т. е. соблюдающими 253 обета) или послушниками, вынуждены были снимать с себя религиозный сан, становиться «хар», т. е. мирянами, светскими людьми, но продолжали тайно осуществлять религиозные обряды. Они старались и даже вынуждены были поддерживать своих земляков, особенно в самые трагические моменты — когда заболел или умирал кто-то из близких. В ссылке они помогали своим соотечественникам — и тем, кто находился с ними в одном населенном пункте, и тем, кто оказался в отдаленных. Совершаемые ими обряды должны были способствовать, согласно предписаниям буддийского вероучения, устранению негативных последствий происшедшего трагического, неблагоприятного события. В них использовались (начитывались) обрядовые тексты определенного круга, у каждого гелюంగా был свой репертуар текстов. Но в случаях отсутствия необходимых текстов практикующие священнослужители прибегали к «новоделам», т. е. воссоздавали религиозные тексты путем переписывания (создания списка имеющегося текста), либо воспроизводили текст по памяти.

Для религиозной традиции у калмыков Поволжья в позднейшие периоды ее существования на протяжении XX в. характерно бытование многочисленных копий, списков известных буддийских сочинений на тибетском и ойратском языках. Эти тексты восходят в основном к переводам Зая-пандиты Намкай Джемцо (1599—1662), а также к его непосредственным ученикам. Наиболее близкие к нам по времени ойратские тексты до сих пор мало изучены в плане палеографии, археографии, с позиций истории письма и т. д. Обращает на себя внимание уровень владения классическим «ясным письмом» («тодо бичиг», от ойр. *todo bičiq*) гелюంగాми и послушниками, участвовавшими в совершении обрядов, сохранявшими таким образом преемственность буддийской традиции. Ярким свидетельством того, что работа по популяризации и распространению буддийского вероучения среди калмыков не прерывалась на протяжении всего XX столетия, является деятельность гелюంగా Тугмюд-гавджи (в миру — О. М. Дорджиева) (1887—1980). Перевод известного буддийского памятника «Море притч», осуществленный им в конце 1960-х гг., является образцом перевода на позднем временном этапе бытования ойратской письменности среди калмыков Поволжья. Именно по этой причине он интересен для исследователя и в плане изучения пути распространения ойратского «ясного письма», и в плане изучения переводческой практики и техники. Одна из главных задач нашего исследования творчества Тугмюд-гавджи — определение уровня профессионализма, эрудиции, знания буддийской догматики, основных ее положений, проповеднической аргументации, особенностей сохранения и передачи письменной традиции калмыков в XX в., а в конечном итоге — и литературного таланта автора-переводчика. Изучение синтаксических особенностей текста перевода, являющегося целью данной работы, отвечает требованиям этой главной задачи.

Одной из причин написания данной статьи явилось желание установить, в какой степени в поздних ойратских переводах соблюдены правила и принципы перевода с тибетского языка, которые были заложены еще в средние века и стали образцами для переводческой практики Зая-Пандиты и его учеников.

В данной работе нами привлечены письменные источники из Научного архива Калмыцкого научно-го центра РАН: рукопись ойратским «ясным письмом» («тодо бичиг»), именуемая «Море притч» (ойр. *Oülgurun dalai*), автором которой является Тугмюд-гавджи [OD], а также тибетский текст «Сутры о мудрости и глупости» (сокращенно «Дзанлундо» от тиб. *'Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo* 'Сутра махаяны, именуемая «Мудрый и глупый»') [Dz], послуживший ему основой для перевода. На их материале мы хотели бы рассмотреть некоторые особенности синтаксического строя текста перевода, определить, насколько он привязан к языку тибетского оригинала и строго ли следует ему автор-переводчик. В статье будут рассмотрены отдельные моменты, касающиеся порядка слов в предложении, синтаксиса простого и сложного предложений. Приводя примеры из ойратского текста, мы неминуемо обращаемся к классическому письменному источнику на тибетском языке, поэтому во всех представленных параллельно примерах слева мы приводим фрагмент из тибетского текста, справа — соответствующий ему фрагмент из перевода Тугмюд-гавджи.

2. К историографии изучения языка ойратских переводных сочинений

На протяжении двух с половиной столетий ойратские и монгольские переводы Зая-пандиты Намкай Джамцо являются объектом изучения лингвистов, литературоведов и историков буддизма и традиционной письменности.

Фонетика, лексика и грамматика ойратского литературного языка XVII в. наиболее подробно представлены в очерке известного ойратоведа Н. С. Яхонтовой [Яхонтова 1996]. Следует также указать на ее более раннюю статью, посвященную переводам Зая-Пандиты, в которой исследовательница ставит вопрос о том, оказал ли влияние на синтаксис ойратских текстов тибетский язык. Она дает положительный ответ на поставленный вопрос: «Тибетское влияние затронуло самые разные аспекты языка — морфологию, лексику, синтаксис, но отразилось на них в неодинаковой степени» [Яхонтова 1986: 113]. Влияние тибетского языка на синтаксис переводов Зая-пандиты, по ее мнению, выразилось в том, что переводчик «ради сохранения свойственного тибетскому языку порядка слов допускал прямое нарушение монгольских грамматических норм» [там же: 114]. Основываясь на анализе ойратского перевода «Сутры золотого блеска», Н. С. Яхонтова отмечает постпозитивное положение некоторых определений, что в отдельных случаях затрудняет понимание итогового переводного текста или его фрагментов [там же: 114—115].

Различные аспекты исследования текстов ойратских и монгольских переводов буддийских сочинений в сопоставлении с их тибетскими первоисточниками рассмотрены в работах некоторых современных исследователей [Корнеев 2015; Мирзаева 2015]. В ряду работ, посвященных сравнительному анализу грамматического строя тибетского и старописьменного монгольского языков, следует назвать и статью Э. У. Омакаевой, в которой внимание автора обращено на выявление сходных моментов, касающихся морфологии и синтаксиса [Омакаева 1987]. Автор статьи, в частности, указывает на «два типа словоупотребления: обычный (нормальный — SOV) и инвертированный» [там же: 64], на «два типа синтаксической связи в языке памятников» [там же: 67] и т. п.

Особо хотелось бы сказать о работах, в которых рассматривается язык переводных письменных памятников, отдельные частные вопросы изучения текстов ойратских и монгольских переводов в сопоставлении с тибетскими первоисточниками [Музраева 2015; Корнеев 2014].

3. Общая характеристика текста перевода Тугмюд-гавджи

Тугмюд-гавджи в своем труде является переводчиком, переписчиком (писцом), одновременно редактором и в какой-то степени корректором текста своего перевода. Поэтому нельзя не сказать о нашем подходе к необходимому археографическому описанию его текста, который освещен в предыдущих публикациях [Музраева 2007, 2008, 2012].

Так, надо отдельно упомянуть о ряде графических и пунктуационных особенностей текста *Oülgurun dalai* («Море притч»), среди которых можно перечислить следующие.

1. Прежде всего стоит обратить внимание на наличие двух разновидностей почерка (более размашистого в начале, переходящего в более убогий, мелкий, тяготеющий к каллиграфии), а также о способе скорописи, который использует в своей рукописи автор перевода. Иногда затруднительно ответить, является ли написание того или иного слова скорописным написанием, либо это можно отнести к особенностям почерка автора, или же автор допустил ошибку в графическом оформлении.

2. Особенностью рукописи Тугмюд-гавджи является необозначение кратких (редуцированных в произношении) гласных: в отдельных случаях в написании слов мы восстанавливаем сокращенные гласные, которые приводятся в квадратных скобках, например в слове: *oqtorγ[u]γ[a]sü* ‘с неба’.

3. Одной из характерных особенностей рассматриваемой рукописи является использование автором специального знака для обозначения мягкой *ä* [=a]: это штрих, напоминающий знак долготы, который, в отличие от последнего, ставится справа на некотором расстоянии от основной вертикали напротив необходимой буквы. Это своего рода нововведение в сравнении с классической ойратской письменностью Зая-Пандиты. В транслитерации переднерядную гласную *a* мы записываем как *ä* (например, *iräd*).

4. Вызывает ряд вопросов и система пунктуационных знаков в рассматриваемом тексте. В нем ставится знак «две черты» («две точки») в конце предложений, что соответствует сигналу конца предложения или части предложения в классической ойратской письменности, равно как и в старописьменном монгольском языке.

Помимо этого, повсеместно в тексте перевода (иногда между слогами одного слова, иногда между отдельными словами либо в конце определенного слова) мы встречаем пунктуационный знак в виде «одной черты или точки», который соответствует запятой в ойратском и старописьменном монгольском

языках и отделяет части сложного предложения. В некоторых случаях его можно охарактеризовать как знак долготы гласного. Но, возможно, на использование этого знака повлияло классическое тибетское письмо, для которого характерно использование точки для отделения слогов. В данной статье в транслитерации примеров на ойратском языке мы опускаем этот знак точки, чтобы не отвлекать внимание от собственно перевода. Поэтому вместо написаний типа *zangbo. tib. / tere. inü / xorto. sumun* мы даем написания типа *zangbo tib / tere inü / xorto sumun*.

5. При анализе и воспроизведении пунктуации рукописи Тугмюд-гавджи на основе сверки с тибетским текстом мы выделяем подчеркиванием ошибочно проставленные знаки пунктуации «две точки» (:) ; в тех случаях, когда был восстановлен знак пунктуации, соответствующий точке в конце предложения, мы его приводим в квадратных скобках (<...> *mon[:]*).

6. Подчеркиванием мы выделяем также написания слогов, отличающихся от написания слов в классическом ойратском языке (*buji* вместо *büji* / *buiji*), считая необходимым отметить авторские написания ойратских слов, чтобы потом разобраться в причинах их появления.

В дополнение к сказанному в качестве пояснения к транслитерации и переводу отметим следующее:

— для сравнения написаний Тугмюд-гавджи с общепринятыми ойратскими написаниями в транслитерации примеров из ойратского текста в квадратных скобках мы приводим более правильный вариант написания слов;

— при воспроизведении примеров в фигурные скобки мы заключаем те слова, которые были пропущены в тексте, но в результате саморедактирования вписаны автором между строк с указанием пунктирной линией того места, где то или иное слово пропущено: {*oqtorγüdü*};

— в переводе в круглых скобках приводятся синонимы, эквиваленты перевода, в квадратных скобках — дополнительные поясняющие слова.

4. Синтаксические особенности перевода Тугмюд-гавджи

4.1. Порядок слов в предложении

Первое, что мы хотели бы рассмотреть, — порядок слов в предложении, типы словосочетаний, связи слов в них в тибетском и ойратском предложениях.

Согласно Ю. Н. Рериху, в тибетском языке определение почти всегда стоит после определяемого слова, при этом между определением и определяемым отсутствует согласование [Рерих 1961: 111]. Определение может стоять и перед определяемым словом, но при этом оформляется частицей родительного падежа. Правда, при этом оговаривается, что падежная частица часто не используется в таких конструкциях [там же: 112].

В исследованиях классического ойратского языка XVII в. указывается на то, что «порядок слов в предложении соответствует общемонгольскому: зависимое слово всегда предшествует главному, в частности определение — определяемому слову» [Яхонтова 1996: 109].

При рассмотрении синтаксиса перевода «Сутры о мудрости и глупости» мы обращались к трудам М. Н. Орловской, исследовавшей состояние монгольского языка, зафиксированное в ряде оригинальных и переводных памятников [Орловская 1999, 2010]. Эти работы, наряду с вышеупомянутой книгой Н. С. Яхонтовой, оказывают большую помощь в плане выработки подходов к рассмотрению интересующего нас вопроса. Будет полезно привести здесь некоторые суждения М. Н. Орловской, справедливые и в отношении ойратских текстов, например о типичной модели монгольского предложения, которая «характеризуется фиксированной позицией предикативного ядра — сказуемого, которое всегда должно завершать предложение. Подлежащему предназначена начальная позиция, в любом случае оно предшествует сказуемому, определения находятся в препозиции по отношению к определяемому, дополнения и обстоятельства располагаются перед поясняемыми словами» [Орловская 2010: 181]. Однако такой порядок слов может нарушаться, что наблюдается на материале древних текстов.

4.2. Типы словосочетаний (атрибутивные, глагольные).

Позиция определения по отношению к определяемому слову

Поскольку нас интересуют проявления влияния тибетского языка на ойратский, первый вопрос, на который требуется дать ответ, — прослеживается ли влияние исходного языка в ойратском переводном тексте. Согласно описанию Ю. Н. Рериха, «имена предметные и качественные в тибетском языке внешне не дифференцированы» [Рерих 1961: 112]. Так, наше внимание привлекли примеры из тибетского текста, в которых определение стоит после определяемого слова (ниже и далее в тексте статьи все при-

меры словосочетаний из тибетского текста и их эквиваленты в ойратском тексте имеют одинаковую нумерацию, при этом в примерах (1)–(18) определяемое слово мы подчеркиваем прямой чертой, а определение — волнистой линией). Рассмотрим их:

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(1) <i>'dzam-bu'i gling 'dir</i> 'на Замбутибе здесь'	<i>zangbo tib ende</i> 'на Замбутибе здесь'
(2) <i>seng-ge 'di</i> (букв. 'лев этот') 'этот лев'	<i>arslang uünigji</i> (букв. 'льва этого') 'этого льва'
(3) <i>dus gzhan zhi na</i> (букв. 'в другое время одно') 'в другое время'	<i>caq nege busdu</i> (букв. 'время одно в другое') 'в другое время'
(4) <i>mi de ni</i> (букв. 'люди те') 'те люди'	<i>kumun tere inü</i> (букв. 'люди те') 'те люди'

Приведенные выше примеры (1)–(4) демонстрируют, что Тугмюд-гавджи в своем переводе следует порядку слов, характерному для тибетского текста (определение после определяемого слова; такой порядок не характерен для монгольских языков), что является свидетельством влияния тибетского исходного языка на синтаксис ойратского перевода. Существенно, что в постпозиции в таких конструкциях оказываются определения, выраженные указательным местоимением. В то же время мы можем отметить случаи, когда переводчик прибегает к тому порядку слов, который характерен для монгольских языков, включая ойратский и калмыцкий, как наблюдается в следующей подборке примеров (5)–(9):

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(5) <i>mi mang-po</i> (букв. 'людей много') 'много людей'	<i>olon kumun</i> [= <i>küün</i>] 'много людей'
(6) <i>rgyal-po chen-po</i> (букв. 'царь великий') 'великий царь'	<i>ikji xan</i> 'великий царь (хан)'
(7) <i>seng-ge de</i> (букв. 'лев тот') 'тот лев'	<i>tere arslong</i> [= <i>arslang</i>] 'тот лев'
(8) <i>rgyal phran</i> (букв. 'цари малые') 'малые цари'	<i>baya xadod</i> 'малые цари'
(9) <i>rgyal-po gsar-pa</i> (букв. 'царь новый') 'новый царь'	<i>šine xan</i> 'новый царь'

В тибетском тексте нередко словосочетания, в которых определение стоит перед определяемым словом, при этом определение оформляется частицей род. п., этот факт отмечен в грамматиках тибетского языка [Рерих 1961: 112; Ходж 1997: 25–28; Парфионович 2007: 145–146]. Эти словосочетания передаются в ойратском переводе таким типом словосочетаний, в которых присутствует атрибутивный компонент в род. п., например:

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(10) <i>dus gsum-gyi 'phags pa</i> (букв. 'времен трех святых') 'святые трех времен'	<i>yurbün cagin xutoqton</i> (букв. 'трех времен святые') 'святые трех времен'
(11) <i>dad-pa'i sems</i> (букв. 'веры мысль') 'мысль о вере'	<i>soüzügin setekil</i> (букв. 'веры мысль') 'мысль о вере'
(12) <i>'phags-pa'i mtshan</i> (букв. 'святости знак') 'знак (признак) святого'	<i>xuqtuni</i> [= <i>xutuqtuni</i>] <i>beleg</i> 'признак святого'

Следующие три примера словосочетаний из перевода Тугмюд-гавджи показывают, что атрибутивный компонент не всегда оформляется родительным падежом, несмотря на то что в тибетских примерах присутствует показатель родительного падежа ('i; gyi):

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(13) <i>de'i tshe na</i> 'в то время'	<i>tere caqtü</i> 'в то время'
(14) <i>'das-pa'i bskal-pa</i> 'минувшая кальпа'	<i>önggürsön kalab</i> 'минувшая кальпа'
(15) <i>gser-gyi mdog</i> 'золотой цвет'	<i>alton önggüte</i> '[обладающий] золотым цветом'

Как видим из примеров (13)–(15), слова в словосочетаниях имеют порядок, характерный для монгольских языков, когда определение стоит перед определяемым словом.

Но и в тех случаях, когда в исходном тексте падежная частица у определяемого слова отсутствует, поскольку, согласно описанию Ю. М. Парфионовича, если «существительное, выступающее в качестве определения, образует с определяемым устойчивое словосочетание, то оно может не принимать после себя служебное слово» [Парфионович 2007: 145], автор перевода использует падежное оформление существительного, при этом для маркировки определяющих слов в примерах (16)–(18) им используются падежные показатели совместного и родительного падежей:

Тиб. [Dz]

Тугмюд-гавджи [OD]

(16) *chos gos* 'религиозная одежда'*nomto xubci* 'религиозная одежда'(17) *dug mda'* 'отравленная стрела'*xorto sumun* 'отравленная стрела'(18) *me-tog char bzhin* 'подобно дождю из цветов'*cecegin xur mitü* 'подобно дождю из цветов'

Интересно проследить состав и структуру глагольных (глагольно-именных) (по Ю. М. Парфионовичу — *обстоятельственных* и *глагольно-объектных* [Парфионович 2007: 147]) словосочетаний. В трех приведенных ниже примерах обстоятельственных словосочетаний из тибетского текста определяемым членом является глагол, который мы отмечаем двойным подчеркиванием, определяющий член выражен: в примере (19) — существительным в исходном падеже, в примере (20) — двумя наречиями в исходном (*phyi-rol-nas*) и дательном (*nang-du*) падежах, передающими пространственную характеристику действия; и существительное, и оба наречия являются обстоятельственными членами и выделяются нами штрихпунктирным подчеркиванием. В примере (21) представлен образец *глагольно-объектного* словосочетания, образованного сочетанием глагола с существительным, выражающим прямой объект, который в предложении выступает в роли дополнения, поэтому мы выделяем его пунктирным подчеркиванием. В примере (22) главенствующий член выражен сочетанием вопросительно-относительной частицы *gang* с падежной частицей *na* и именной частицей *ba*, образующими существительное со значением 'местопребывание, местонахождение', что указывает на место, где находится объект почитания, на который направлено действие.

Тиб. [Dz]

Тугмюд-гавджи [OD]

(19) *nam-mkhas-las babs te* 'спустился с небес'*oqtor[ul]y[a]sü buji* [= *buiji*] 'спустился с небес'(20) *phyi-rol-nas nang-du 'ongs-pa las* 'входил извне (снаружи) внутрь'*yazay[a]sü dotoroi iräd* 'входил с улицы внутрь [дворца]'(21) *chos thos-pas* 'выслушав наставления (дхарму)'*nom sonsäd* 'выслушав наставления (дхарму)'(22) *bcom-ldan-'das gang-na-ba der song ste* 'пришел к местопребыванию Бхагавана'*burxun-dü kurci* 'достигнув Будды'

Как видно из приведенных примеров, Тугмюд-гавджи большей частью следует порядку слов тибетского предложения, что в принципе и предписывал свод правил перевода с тибетского языка на монгольские [Источник мудрецов 1968: 105; Dag yig 1988: 13] и что было подмечено нами при анализе монгольских и ойратских переводов «Сутры о мудрости и глупости» [Музраева 2012; 2013: 20—32; 2015]. При этом в его переводе при подборе эквивалентов перевода словосочетаний (19), (20) зависимые члены переданы существительными в исходном и дательном-местном падежах соответственно. При передаче *глагольно-объектного* словосочетания (21) переводчик также использует прямой объект (существительное без падежных показателей). Помимо этого, пример (22) показывает, что автор допускает сокращения в своем переводе; эти сокращения касаются как титулов Будды (в данном случае эпитет *bcom-ldan-'das* «Ушедший с победой», что является эквивалентом санскритского *Бхагаван*, передан как *burxun* 'Будда'), возможно, вследствие того, что данный эпитет не вошел в круг ойратских средств титулатуры Будды, так и тех слов в предложении, которые не входят в идиоматическую титулатуру.

Но есть примеры, когда автор-переводчик старается придерживаться того порядка слов, который принят в его родном языке, т. е. определение он ставит перед определяемым словом.

5. Типы предложений по цели высказывания

В соответствии с классификацией предложений по цели высказывания, грамматики тибетского языка описывают четыре основных типа простых предложений — *повествовательные*, *вопросительные*, *повелительные* и *запретительные*, а также *побудительные* [Парфионович 2007: 152—154]. При этом отмечается особая роль глагольных форм (например, категории наклонения, а именно форм повелительного и запретительного наклонения) в образовании соответствующих категориальных форм (см. [Парфионович 2007: 119]).

Повествовательные предложения, как отмечают лингвисты, «передают сообщение без какой-либо эмоциональной окраски» [Парфионович 2007: 152]. Их подразделяют на *утвердительные* и *отрицательные* [там же]. В приведенных ниже примерах (23), (24) мы можем наблюдать и тот, и другой тип предложений. Нейтральной тональностью отличаются и соответствующие предложения в работе калмыцкого переводчика, но следует отметить, что тибетские глаголы (и в утвердительной, и в отрицательной формах) он передает не глагольными формами, а существительным в сочетании с отрицательной частицей (пример 23) либо отрицательной частицей с суффиксом личного спряжения:

Тиб. [Dz]

- (23) *tshig 'di ni bden pa yin te brdzun pa ma yin no /*
'Слова эти являются правдой, не являются
ложью' [Dz: 216]

- (24) *bdag ni lha yang ma lags / klu yang ma lags te*
'Я и не тэнгри, и не дракон' [Dz: 316]

Тугмюд-гавджи [OD]

- mini kelsen uügi uünun[:]* *xudol biši* 'Слова,
сказанные мной, правда, не ложь' [OD: 21a]

- bi tenggir čigin biše, lui čigin bišbi:* 'Я и не тэн-
гри, и не дракон' [OD: 236]

Поскольку подобные предложения составляют в любом тексте большинство, такой тип предложений будет представлен далее (в Разделе 6) в рамках разбора структурных типов предложений.

Интересно проследить, как Тугмюд-гавджи передает в своем переводе разные виды побуждения. Далее приведем примеры в соответствии с тем, как тибетологи выделяют типы побудительных предложений, соотносясь с разными глагольными формами (повелительного и запретительного наклонений).

В приведенной ниже подборке тибетские примеры (25)–(28) являются образцами побудительных предложений, в которых главное действующее лицо обращается к своему собеседнику с предложением, побуждением совершить действие (в этих примерах сказуемые выражены глагольными формами повелительного наклонения в сочетании с частицами *cig / shig*, которые часто переводятся на русский язык императивом с восклицательным знаком [Шмидт 1839: 128–129; Рерих 1961: 75; Кузнецов: 72], этим мы и руководствовались при переводе с тибетского и ойратского на русский язык). В переводе Тугмюд-гавджи для передачи таких категориальных форм используются формы императива. В примерах (25)–(26) повелительное наклонение образовано с помощью суффикса *-qton / -qtön*, употребленного для обращения ко 2-му лицу мн. ч., т. е. ко многим лицам. В то же время для передачи глагола в повелительном наклонении переводчиком может использоваться форма волитатива на *-ya / -ye*, выражающая намерение говорящего совершить действие самому (пример 27), а также содержащая призыв ко второму лицу совершить действие вместе, как в примере (28):

Тиб. [Dz]

- (25) *<...> 'di ni nga'i bu yin gyi phyir byin cig ces smras*
so / '«Этого моего сына верните (букв. 'отдайте
назад')!» — сказал' [Dz: 1166]

- (26) *<...> nor bu yon tan can des / da ste zhag bdun na*
rin po che la sogs pa gos dang zas dang dgos pa'i
y[...] *byad thams cad char bzhin du 'bebs kyis so so*
nas ci bde bar longs shig ces bsgrags so / '«Эта
добродетельная драгоценность с этого времени
семь дней [спустя] прольет подобно дождю дра-
гоценности, одежду, пищу и все необходимое,
пусть каждый сам (в отдельности) счастливо
обладает!» — так объявил' [Dz: 1796]

Тугмюд-гавджи [OD]

- enčin minii kübüün mön xarü ögö[qltön] giši kelsen*
böi: '«Это воистину мой сын, верните мне его!»
— потребовал' [OD: 113a]

- erdmētē erdenii tereber odā dolan xongesü erdene*
tergüütun xubcon bolon iden bolon kergetē:
ayurusun xamgigii xur mitü orulxü tus tustan aile
durarin abüqton giši tarxasün böi: '«Эта добродетельная драгоценность ныне, через семь дней прольет подобно дождю все необходимое, начиная с драгоценностей, одежды, пищи, пусть каждый сам возьмет, что пожелает!» — так распространил [весть]' [OD: 179a]

Пример (26) содержит повтор компонентов *bolon* (союз 'и; а также'), не обязательный для ойратского языка, но воспроизводящий тибетскую синтаксическую структуру с повторяющимся союзом *dang*.

Тиб. [Dz]

- (27) *khyod sangs rgyas dang 'phags pa'i dge 'dun spyān*
'dren 'dod na / <...> kho bo'i khyim du spyān drongs
shig ces smras pa dang / '«Если ты желаешь при-
гласить Будду и святую сангху (монахов), *<...>*
приглашу-ка их в свой дом!» — так сказал'
[Dz: 266]

- (28) *bdag cag gi khyim na ka ba zhiḡ la [=las] rtag tu*
'od 'byung ste / de'i nang na ci yod tos shig ces bsgo
ba dang / '«От колонны (столба) в моем доме все
время исходит свет, посмотрим, что там есть
внутри!» — сказал' [Dz: 246]

Тугмюд-гавджи [OD]

- či burxon bolon xutüqtin xuvrüq zalx[a]r durlxla*
mini gertu zalya bi: *<...> gixla* '«Если ты желаешь
пригласить Будду и святую сангху (монахов),
давай я приглашу [их] в свой дом!» — сказал'
[OD: 19a]

- mini geren baxnasü mel gerel yarna tuün dotor yuün*
baixini xaley [=xaliya] gibi: '«От подпорки (ко-
лонны) в моем доме (букв. 'моего дома') опреде-
ленно исходит свет, посмотрим, что там есть
внутри!» — сказал' [OD: 176]

В примере (28) мы встречаем генитивную конструкцию, выражающую отношения принадлежности, вместо формы тибетского дательного падежа с локативным значением, что не искажает общего смысла, но задействует более привычные для носителя ойратского языка синтаксические средства.

Приведенный далее пример (29) представляет собой *запретительный* тип предложения, в котором сказуемое (глагол *sems* в форме повелительного наклонения с морфемой *shig* и отрицательной частицей *ma*) выражает побуждение в отрицательной форме (прохибитив). В переводе Тугмюд-гавджи оно передано сочетанием отрицательной частицы *biči* (ойр. *bičigei*) и формой повелительного наклонения 2 л. ед. ч., выраженной основой глагола:

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(29) <i>de'i tshe de'i dus na rgyal bu tha chung sems can chen po de ni gzhan du <u>ma sems shig</u> da lta nga yin no / 'Не думай, что в то время, в тот период тем младшим царевичем Махасаттвой был кто-то другой, им был сегодняшний я' [Dz: 216]</i>	<i>terē cagin xani bičikin kūbuūin terē öngdan giči <u>biči sana</u> ödügei bi mön būi: 'Не думай, что того времени тот младший (зд. маленький) сын царя [это] кто-то другой, им воистину был сегодняшний я' [OD: 15a]</i>

В примере (29) в ойратском тексте опущено личное имя царевича, что не препятствует пониманию.

Приведенные примеры побудительных (25)—(28) и запретительного (29) предложений в тибетском тексте Сутры, как видим, переданы переводчиком *восклицательными* предложениями, характеризующимися повышенной эмоциональностью, поскольку являются отражением переживаний главных действующих лиц историй, включенных в сборник «Море притч». В таких предложениях широко используются глаголы в побудительной форме, как это иллюстрирует следующий пример, в котором составное сказуемое выражено деепричастной (или, по Ю. М. Парфионовичу, — незавершенной) формой глагола (*'phur bar* 'летая') и вспомогательным глаголом *'gyur* ('стать, становиться') в форме повелительного наклонения, образованной присоединением частицы *cig*. Тугмюд-гавджи передает его сочетанием причастия будущего времени *nisxu* ('летать') и вспомогательного глагола *bolxu* ('быть, становиться') в повелительном наклонении (*boltxābe*, ойр. *boltxayai bi*), выражающем здесь пожелание говорящего:

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(30) <i>nor bu 'di yid bzhin gyi nor bu rin po che yin yang dag na / bdag nam mkha' la <u>'phur bar gyur cig</u> ces smras so // '«Если эта драгоценность является драгоценностью, исполняющей желания, то пусть я полечу по небу!» — так произнес' [Dz: 176б—177a]</i>	<i>erdne ene čindminin erdne oünun bolxla. bič oqtorjudü <u>nisxu boltxābe</u> giči ögulsoün böi: '«Если эта драгоценность является истинной драгоценностью чиндамани, то пусть я полечу по небу!» — так произнес' [OD: 177a]</i>

В примере (30) переводчик элиминирует определительный оборот *yid bzhin gyi nor bu* ('драгоценностью, исполняющей желания'), вставляя в свой текст заимствованный из санскрита эквивалент обозначения понятия (*čindminin erdne* 'драгоценность чиндамани').

Вопросительные предложения в тибетских грамматиках подразделяются на выражающие: а) общий вопрос и б) специальный вопрос [Парфионович 2007: 153]. Первый тип предложений образуется с помощью вопросительных частиц *gam*, *ngam*, *dam*, которые ставятся после сказуемого, и вопросительной частицы *e*, которая ставится перед сказуемым [там же]. Примеры (31)—(33) иллюстрируют общий вопрос. В тибетских предложениях используются вопросительные частицы *dam* / *tam* и *ngam*, которые в ойратском переводе переданы с помощью вопросительных частиц-аффиксов *-ü* / *-iü* / *-u* / *-yü*:

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(31) <i>rgan mo / khyod la 'dug pa'i gnas yod dam / 'Старуха, есть ли у тебя место, где жить?' [Dz: 111a]</i>	<i>emgen čamdü bayideq oron bayü 'Старуха, есть ли у тебя место, где жить?' [OD: 106a]</i>
(32) <i>sngar gyi tshong pa grogs po rnams yod dam bde bar phyin tam zhes dris so / '«Прежние друзья-купцы живы ли, благополучно добрались ли?» — так спросил' [Dz: 178б]</i>	<i>urtku xuldačün xamüq noködud irlu giči amur kürbüü giči sursun böi '«Все те прежние купцы вернулись ли, благополучно добрались ли?» — так спросил' [OD: 178a—178б]</i>
(33) <i>snyim pa gang gi chu mang ngam rgya mtsho'i chu mang zhes dris pa dang / '«Что больше, вода в пригоршне или вода в море?» — спросил' [Dz: 28б]</i>	<i>alixn duriing usün ikiyu dalan usun ikiyu '«Что больше, вода в пригоршне (букв. 'пригоршня, полная воды') или вода в море?» [— спросил]' [OD: 21a]</i>

Специальный вопрос в тибетских вопросительных предложениях образуется при помощи вопросительных слов, которыми служат вопросительные местоимения *gang* 'кто, который, где' (ойр. *ken*, *yamār*, *yamārān*, *yambar* 'кто, какой'; *ali* 'какой, который, где'), *su* 'кто' (ойр. *ken*), *ga re* 'что' (ойр. *yüün*), *ci* 'что,

что за' (ойр. *yuiin*) и др., которые, сочетаясь с определенными служебными и знаменательными морфемами, образуют большое число вопросительных слов, например: *ci ltar, ji ltar* 'как, каким образом' (ойр. *yayaji, yaji, yambarčilen*), *gang nas* 'откуда' (ойр. *alidasü; alidāsa*) и т. д., что демонстрируют примеры (34)–(37).

Тиб. [Dz]

- (34) *nga'i bu dang rgya mtshor 'gro su phod ces bsgo ba dang* '«**Кто** сможет отправиться в море с моим сыном?» — так произнес' [Dz: 1926]

Тугмюд-гавджи [OD]

- mini kübüünla dal[a]dü očo; čadxü ken bayina giji surxüla* '«Есть ли кто-то, **кто** сможет отправиться в море с моим сыном?» — когда так спросил' [OD: 1936]

В примере (34) переводчик распространяет подлежащее вопросительного предложения (**Кто** сможет ...?), подчеркивая, что его интересует не исполнитель действия (тиб. ... *su phod* 'Кто сможет ...?'), а самая возможность исполнения названного действия (ойр. ... *očo; čadxü ken bayina* 'Есть ли **кто-то**, **кто** сможет ...?').

Тиб. [Dz]

- (35) *khyod kyi rgya ga-re zhes dris pas* '«Твоя печать (знак) **где?**» — когда так спросили' [Dz: 976]
 (36) *lhas byin 'dis skye ba gzhan dag tu bcom ldan 'das la gnod pa ji ltar bgyis zhes gsol ba dang* / '«Этот Лхаджин в других рождениях **каким образом** причинял зло Бхагавану?» — спросил' [Dz: 1866]
 (37) *mtshan mkhan gyis kyang bltas te / bu 'di thog ma gang nas rnyed ces dris pas* / 'Гадатель взглянул и спросил: «Этого мальчика изначально **где** нашли (букв. 'откуда получили')?»' [Dz: 306]

Тугмюд-гавджи [OD]

- čini tamya ali giji surxula* '«Твоя печать **где?**» — когда так спросили' [OD: 89a]
lhañin ene ber töröl busdu burxun-dü: xor yay[a]ji kesen böi '«Этот Лхаджин в других рождениях **каким образом** причинял зло Будде?» — [спросил]' [OD: 1886]
belgiči xalayād ene kübugi alidasü olbütoi giji surbu: 'Гадатель посмотрел и спросил: «Этого мальчика **где** (букв. 'откуда') нашли?»' [OD: 23a]

Приведенные примеры демонстрируют эквивалентность тибетским предложениям, но не являются нарушением норм ойратского оформления соответствующих конструкций.

В то же время вопросительные предложения могут образовываться комбинированным способом, как в примере (38), в котором присутствует и вопросительная конечная частица *'am*, и вопросительное слово *či*, переведенные на ойратский язык вопросительной частицей *buu* и вопросительным словом *yuiin*.

Тиб. [Dz]

- (38) *seng ge 'di gsod pa'i tshe ngo mtshar che ba'am ltas ci zhis byung* <...> / 'В то время, когда убивал этого льва, **что** за большое удивление или предзнаменование проявилось?' [Dz: 1836]

Тугмюд-гавджи [OD]

- arslung öünigij alxü caqtü yaixmešeq ikij buu yoro; yun yarbu*: 'В то время, когда убивал этого льва, **что** за большое удивление или предзнаменование проявилось?' [OD: 282a]

Далее в примере (39) приведена конструкция с вопросительным словом *gang* и усилительным выражением *zhe na*, которые переведены Тугмюд-гавджи вопросительным словом *ken* и глаголом с вопросительной частицей в сочетании с отрицательной частицей *isi* (ойр. *ese*):

Тиб. [Dz]

- (39) *sangs rgyas bcom ldan 'das 'jig rten na bzhus te sems can gang sdug bsngal gyis gdungs pa ngag gi mgon dang skyabs mdzad de thar par mdzad do zhe na* / 'Будда Бхагаван явился в мир материальный, спасает живых существ, **которые** испытывают страдания, является покровителем и прибежищем, **не так ли?**' [Dz: 35a]

Тугмюд-гавджи [OD]

- Burxun yirtimjidü zalrji änten ken zoblongyar dengcelji bayiq]sen amitigi zoblongsini getelegin gideq isi bilü [=bilöü]*: 'Будда, явившись в мир материальный, [тех] живых существ, **кто** был подвергнут страданиям, спасает от [этих] страданий, **не так ли?**' [OD: 26a]

Из примеров мы видим стремление переводчика в максимальной мере воспроизводить тибетский оригинал. Вместе с тем в приведенных примерах в тех случаях, когда текст кажется переводчику перегруженным служебными элементами, он считает возможным упростить синтаксические построения, приблизив их к синтаксису оригинальных ойратских текстов, но сохраняя при этом грамматическое значение важных в смысловом отношении форм.

6. Структурные типы предложений

6.1. Простое предложение

Поскольку рассматриваемый нами текст является переводным, целесообразным представляется и привлечение данных относительно организации предложения в исходном тибетском языке. Я. Шмидт в своей грамматике отмечал, что «[п]остроение тибетских предложений далеко отступает от построения европейских» [Шмидт 1839: 115]. Г. Ц. Цыбиков, поясняя построение тибетского предложения, так описывает порядок расположения его частей: «⟨...⟩ [П]одлежащее ставится на первом месте, сказуемое на последнем, определения, выраженные родительн[ым] падежом имен, перед определяемыми, а выраженные именами прилагательными (качеств[енными]; местоим[ениями], числительными) — после определяемых; дополнения раньше сказуемого» [Цыбиков 1908: 75—76].

Ю. Н. Рерих подчеркивает, что «порядок слов в тибетском предложении играет решающую роль» [Рерих 1961: 111], и дает при этом описание простого нераспространенного предложения: «Подлежащее всегда стоит в начале, а сказуемое в конце предложения» [там же], что можно представить в виде следующей формулы: П+С (подлежащее + сказуемое). Распространенные предложения передаются Ю. Н. Рерихом с помощью следующих формул: 1) П+Д+С, где Д — дополнение; 2) П+О+Д+С, где О — определение [Рерих 1961: 112].

Некоторая детализация структур предложения представлена в «Грамматике тибетского языка» Б. И. Кузнецова: «В любом предложении сказуемое всегда будет находиться в самом конце предложения. Поэтому, естественно, в простом нераспространенном предложении подлежащее будет всегда ему предшествовать» [Кузнецов: 27]. В случае с и м е н н ы м с к а з у е м ы м именная часть всегда предшествует глаголу, который стоит в конце предложения [там же]. Б. И. Кузнецов обратил внимание на важную роль служебных слов, «которые отделяют слово или группу связанных между собой слов», а также подметил, что предложения без служебных слов крайне редки [там же: 26]. Согласно Б. И. Кузнецову, в распространенном глагольном предложении, в котором подлежащее и дополнение не оформлены служебными словами, «порядок главных членов предложения будет следующим: 1. подлежащее, 2. дополнение, 3. сказуемое [П+Д+С]. Обстоятельство может быть в самом начале или в середине предложения» [Кузнецов: 27—28]. В тех случаях, когда либо подлежащее, либо дополнение имеют оформление частицами, их порядок в предложении может варьироваться: П+Д, Д+П. Ориентируясь на схему, предложенную Ю. Н. Рерихом, мы можем представить схему описываемого Б. И. Кузнецовым предложения следующим образом: П+О+Д+С или П+Д+О+С, где О — обстоятельство.

Не менее актуальным продолжает оставаться вопрос о соотношении структуры исходного тибетского текста и его перевода, зафиксированного в ойратской графике. Описание синтаксиса простого предложения целесообразно, на наш взгляд, начать с рассмотрения «простейшего», по определению Н. Н. Поппе, предложения, состоящего из подлежащего и сказуемого, и их порядка [Поппе 1937: 151]. Первое, на что мы обращали внимание при описании простого предложения, это наличие в предложениях главных членов — подлежащего и сказуемого. Второстепенные члены предложения (дополнения, определения, обстоятельства) могут быть выражены не только отдельными словами, оформленными показателями косвенных падежей, но также и словосочетаниями.

Относительно простого предложения в ойратском языке Н. С. Яхонтова приводит такое его описание: «Последнее место в предложении занимает сказуемое. Остальные члены предложения располагаются перед сказуемым в достаточно свободном порядке» [Яхонтова 1996: 109].

Основной порядок слов в письменном ойратском языке А. Ракош представляет схемой “subject — object — verb”, при этом отмечает, что положение других частей предложения (обстоятельств разных разрядов с разными средствами выражения) менее фиксировано, они могут предшествовать объекту или следовать за ним [Rákos 2002: 42].

Обращение к тексту перевода Тугмюд-гавджи показывает, что подобного рода «простейшие», иными словами простые нераспространенные, предложения весьма сложно найти. Наиболее характерно наличие простых распространенных предложений, которые, в свою очередь, могут быть осложнены причастными оборотами, выступающими в качестве второстепенных членов предложения — дополнения и определения.

Интересно проследить, как переводчик передает строй предложения исходного тибетского текста, на примере простых распространенных предложений (здесь и далее подлежащие отмечены одинарным подчеркиванием, сказуемые — двойным подчеркиванием):

Тиб. [Dz]

- (40) *lha yang phyir gnas su song ngo* / ‘Тенгрий вновь отправился в страну’ [Dz: 21a]
- (41) *de'i tshe de'i dus na drang srong de ni shā-ri'i bu yin no* // ‘В то время, в тот период тот отшельник был Шарипутрой’ [Dz: 284б]
- (42) *nor bu 'di ni dpag tshad nyis stong kho ra khor yug tu dgos pa thams cad char bzhin du 'bebs nus so* / ‘Эта драгоценность способна пролить подобно дождю все необходимое в окружности на [расстоянии] тысячи йоджан’ [Dz: 173б—174а]
- (43) *de'i tshe na bya ngang pa yang yi ge dang phyir yul du phyin te* ‘В это время гусь снова вместе с письмом вернулся в страну’ [Dz: 198б]

Тугмюд-гавджи [OD]

- tenggir xarü orndān odboi*: ‘Тенгрий вернулся в свою страну’ [OD: 15а]
- tere caqtü tere öüy[e]dü aršo: tere inü š[a]ren kübüün mön böi*: ‘В то время, в тот период тот отшельник воистину был Шарипутрой’ [OD: 283а]
- čindaminii ene inü xoyor mengyn berede ergulung-dān kereq xamgigii xur mitü orulxü böi*: ‘Эта драгоценность прольет подобно дождю все необходимое в радиусе тысячи бер’ [OD: 174б]
- tere caqtü yalun šobüün čigin bičiqtägen xarü orndan kursün mön* ‘В это время и гусь вместе с письмом вернулся в свою страну’ [OD: 199а]

6.2. Сложное предложение

Сложные предложения могут состоять из двух и более частей (предложений), соединенных сочинительной или подчинительной связью. Тибетологи также указывают на эти две группы сложных предложений — *сложносочиненные* и *сложноподчиненные* [Кузнецов: 94—98, 99—123; Парфионович 2007: 154].

В тексте Тугмюд-гавджи точное определение границ предложений возможно по употреблению финитных форм глагола в финальной позиции, и иногда на границы предложения в нем указывают пунктуационные знаки, используемые автором перевода. В сложных случаях мы руководствуемся общим смыслом, контекстом и обращаемся к исходному тибетскому тексту [Dz], взятому за основу перевода.

В вопросе о выделении главной и зависимой частей сложного предложения в рассматриваемом переводе мы вслед за Н. С. Яхонтовой придерживаемся той точки зрения, что конструкции, в которых действие обозначено причастием или деепричастием, а субъект (наличие которого обязательно и его присутствие отличает придаточное предложение от причастного или деепричастного оборота) — именем в форме именительного или косвенного падежа, являются придаточными предложениями, согласно существующей в монголоведении теории придаточного предложения [Очиров 1964: 196; Пюрбеев 1979; Мушаев 2005: 153—155; Пюрбеев 2010: 8, 178, 181, 221 и далее; Яхонтова 1996: 131].

Давая характеристику сложных предложений в ойратском языке, Н. С. Яхонтова отмечает широкое использование причастий и деепричастий для соединения нескольких предложений в одно, при этом роль союзов минимальна [Яхонтова 1996: 131], что в целом характерно для монгольских и шире — для алтайских языков.

6.2.1. Сложносочиненное предложение

В определении данного типа предложений в тибетском языке мы опираемся на определение Б. И. Кузнецова: «Сложносочиненные предложения объединяют грамматически равноправные, однородные предложения, имеющие одинаковую степень самостоятельности, причем они следуют одно за другим, как правило, в порядке последовательности действия по времени» [Кузнецов: 94]. В качестве примера Б. И. Кузнецов приводит и фрагмент из тибетского «Дзанлундо»: *rgyal-po'i bu-mo dang phrad nas / rgyal-po'i bu-mo la chags te bu-mo dang nyal nas phyir gsang shor te / rgyal-pos zin nas gsod du bcug-pa las khyim-bdag gi bus 'di skad ces gsol to* // (‘Встретился с дочерью царя, дочь царя полюбил, спал с дочерью царя, потом тайком бежал, царь [его] схватил, приговорил к смерти (букв. ‘отправил убить’), сын домохозяина обратился к царю с такими словами...’). На данном и других примерах Б. И. Кузнецов разъясняет роль частиц *te*, *ste*, *de*, *nas*, *las*, *la*, которые могут стоять в конце любого предложения, кроме последнего, которое часто оформляется частицей *'o*. Функция перечисленных частиц сводится к тому, что, с одной стороны, они отделяют одно предложение от другого, указывая на то, что оно не является последним в составе сложного предложения, с другой — связывают отдельные сочиненные предложения в одно сложносочиненное предложение [Кузнецов: 94]. В отношении частиц *te*, *ste*, *de*, которые часто стоят в конце предложения, после глагола-сказуемого, но могут также стоять после глагола-связки «есть, быть» (*yod*, *'dug*), а также, в отсутствие глагола-связки, после именной части сказуемого, Б. И. Кузнецов поясняет, что он согласен с точкой зрения тибетских авторов, называющих эти частицы «соединительными» (*tshig phrad*), другими словами (в европейской традиции) — союзами, поскольку они соединяют простые предложения в одно сложное [Кузнецов: 97—98].

На сочинительную связь между предложениями, помимо упомянутых выше частиц, по Б. И. Кузнецову, указывают частицы *cing*, *zhing*, *shing* в тех случаях, когда они стоят в конце первого предложения, после сказуемого. Один из примеров также взят из текста «Дзанлундо»: *dug gi ma thub cing / gnod par ma gyur nas* / (‘Яд не подействовал, вреда не произошло’) [Кузнецов: 97]. В пояснении к этому и похожим примерам автор цитируемой грамматики указывает, что «действия, выраженные в двух предложениях, связанных этими частицами, являются близкими по значению, или же выражают одну общую идею» [Кузнецов: 96].

Ю. М. Парфионович отмечал, что для сложносочиненных предложений чаще всего характерно соединение с помощью союза *dang* (‘и’); помимо этого, используются союзы *ma gtogs*, *ma zad* и *khar* со значением «а также, и» [Парфионович 2007: 154].

Приведем пример сложносочиненного предложения, части которого соединяются посредством соположения без привлечения союза:

Тиб. [Dz]

- (44) *de la lha mo gcig gcig kyang rin po che sngon po zbig thogs shing 'bul du 'ong gis / de ni yid bzhi gyi nor bu rin po che yin no* / ‘Тогда отдельно [от других] явится Лхамо, держа в [качестве] дара синий драгоценный камень, это и будет драгоценный камень, [исполняющий] желания’ [Dz: 1936]

Тугмюд-гавджи [OD]

- tün[ä]sün okon tengger negen čigin köku erdne baired ömünčin irxi. tere inü čindminin erdne mön böi*: ‘Вслед за этим перед тобой также явится Окон Тенгер, держа в руке синий драгоценный камень, это и будет драгоценность чиндамани’ [OD: 1946]

В примере (44) переводчик воспроизводит оригинал (тиб. *gcig gcig kyang*), но выражение единичности (ойр. *negen čigin*) в его тексте избыточно, поскольку в оригинале выражена индивидуальность персонажа повествования, так понятая переводчиком.

Тиб. [Dz]

- (45) *[khye'u] cher skyes nas von tan dang ldan pas rgyal pos kyang yul gcig gi phran du bcug go* / ‘[Мальчик] вырос, поскольку был преисполнен знаниями, царь сделал [его] правителем одного из малых княжеств’ [Dz: 264a]
- (46) *mkhas pa rig pa dang ldan pa / smang [=sman] dang gtsug lag dang skar ma la mkhas pa zbig pas rgyal po'i ston pa byed de / rgyal phran brgyad khri bzhi stong snyed kyang de la rgyal po chen po dang 'dra bar bsnven bkur byed de / bsgo ba'i tshig kyang nyan to* / ‘Поскольку мудрец обладал знаниями, был сведущ в лекарствах, науке (священной литературе) и звездах, то стал наставником царя, даже малые цари числом восемьдесят четыре тысячи почитали его наравне с великим царем и слушали его слова (речи)’ [Dz: 1646]

Тугмюд-гавджи [OD]

- [kübüün] iki bolji ösed: erdem-luyü tögösöqs[e]r. xan čigin baya nege or[o]nai xan-dü orulusun böi*: ‘[Мальчик] вырос, поскольку был преисполнен знаниями, царь сделал [его] царем одного из малых княжеств’ [OD: 262a]
- mergen ux[a]ta em bolon šasüdür bolon odon-dü mergen nigin tere xana baqšo: boloji baya xan naimin tüimon dörbön mengy[a]n dunggütei čigin: tundü ikii xanla aidil-dü küündülün zakoson öüginii čigin sonsdoq böi*: ‘Мудрец был умен, сведущ в лекарствах, шастрах и звездах, стал наставником царя, так что даже малые цари числом восемьдесят четыре тысячи почитали его наравне с великим царем и слушали его слова’ [OD: 166b]

В данном тексте довольно сложно выделить сложносочиненные предложения в эталонном виде, даже при наличии сочинительных союзов или не вызывающей сомнения бессоюзной связи. Наиболее часто встречаются такие предложения, в составе которых одно из простых предложений может включать также и придаточное предложение (о них будет сказано дальше в разделе 6.2.2), и тогда это уже будет сложная конструкция с простым предложением, осложненным деепричастным или причастным оборотом с функциями зависимого предиката.

Тиб. [Dz]

- (47) *de nas rgyal bu rol mo byed cing glu dang tshig snyan par sbyar te blangs pas thams cad de la nyan te / kun gyis zas dang skom bskyal bas* / ‘Затем царевич заиграл на музыкальном инструменте, исполнил мелодичный напев, соединив с благозвучными словами, все стали слушать его, все принесли еду и питье’ [Dz: 1956]

Тугмюд-гавджи [OD]

- tünsün xan kübüün cenggeleq cökön dung bolon saix[a]n iru üigii dulun absajr xamüq tüüniginii sons[a]d cur[a]r xoto undai kurgüsüün böi*: ‘Затем царевич исполнил (букв. ‘тем, что исполнил’) несколько мелодичных напевов с прекрасными благозвучными словами, все, услышав его, стали подносить еду и питье’ [OD: 196a]

- (48) *de'i tshe na bram ze de la bu mo gser gyi mdog can skra mthon mthing khar 'dug pa / rgyal phran brgyad khri bzhi stong snyed kyi rgyal bu thams cad kyi bslang na yang mi ster ba gcig yod do /* 'В то время у того брахмана была дочь [с кожей] золотистого цвета, темно-синими волосами, несмотря на то, что все малые цари [численностью] восемьдесят четыре тысячи и все царевичи просили [ее руки], не отдал' [Dz: 1696—170a]
- tere caqtü birmin toündü küüküün alton önggüte: xara kökö üüste: baya xan naiman toümün dörbün mengy[a]n dunggute: xan kübüün xamoq yer surson biyinü is ögüsün nigin baiji[:]* 'В то время у того брахмана была дочь, [у которой кожа] была золотистого цвета, иссиня-черные волосы, несмотря на то, что малые цари количеством восемьдесят четыре тысячи и все царевичи просили ее [руки], не отдал' [OD: 171a]

Примечательно, что Тугмюд-гавджи в своем переводе передает сочетание глагола с союзом *dang* ('и; с; вместе с ...; когда') первого предложения условным деепричастием (*bolxola, kurxula*) как в примерах (49) и (50):

Тиб. [Dz]	Тугмюд-гавджи [OD]
(49) <...> <i>sangs rgyas dang dge 'dun bcas su slar gshegs pa dang / de'i bar na ne'u gsing zhig yod de chu mig shig tu gtsang ma zhig yod pa la /</i> 'Когда Будда вместе с сангхой <u>отправился</u> обратно, на этом пути <u>оказалась</u> травянистая равнина, [в которой] <u>был</u> чистый (святой) <u>родник</u> ' [Dz: 1956]	<i>burxün xübürgutay[a]n xarü ödü bolxola tüüni xorondü cecerliq negin baiqsen mon[:]</i> <i>tundü buluy mašo: airon negen baiqsen:</i> 'Когда Будда вместе с монахами <u>отправился</u> обратно, на пути <u>оказался</u> сад, в нем <u>был</u> чистейший (святой) <u>родник</u> ' [OD: 245a]
(50) <i>chu 'gram du phyin pa dang / cu'i nang na pad ma gser gyi mdog can vod pa la sprul gdug pas pad ma'i rtsa pa la dkris shing 'dug pa mthong ngo /</i> 'Когда <u>пришел</u> на берег реки, <u>увидел</u> в воде лотос золотого цвета и то, что стебель лотоса <u>обвила</u> ядовитая <u>змея</u> ' [Dz: 1716]	<i>usüni köbadü kurxula: usun dotoro: alton önggütēi badama bayiqsen-dü xorto: moya ber: badm[a]n yozürtü oran baiqsigij üüzüsüün böi:</i> 'Когда <u>пришел</u> на берег реки, <u>увидел</u> в воде лотос золотого цвета и то, что ядовитая <u>змея</u> <u>обвила</u> стебель лотоса' [OD: 173a].

6.2.2. Сложноподчиненное предложение

Б. И. Кузнецов, давая описание сложноподчиненного предложения в тибетском языке, отмечал, что оно «объединяет два синтаксически неравноправных предложения, из которых одно, придаточное, подчинено другому, главному» [Кузнецов: 99]. Он также отмечал, что подчиненное положение придаточного выражается рядом синтаксических средств, важнейшими среди которых «являются: место придаточного предложения в составе сложного предложения и некоторые служебные частицы, и союзы, которые его оформляют» [там же]. Анализируя виды (типы) придаточных, Б. И. Кузнецов приводит в своей грамматике примеры придаточных *дополнительных, определительных, причины, уступительных, цели, времени* и *условно-временных*, а также придаточные с союзом *gi* (*yi, 'i, kyi, gyi*) [Кузнецов: 99—123].

Ю. М. Парфионович, давая определение сложноподчиненного предложения, подчеркивал, что «придаточное предложение всегда стоит перед главным, а подчинительные союзы всегда стоят после сказуемого придаточного предложения» [Парфионович 2007: 155]. При этом он выделяет: а) *условные* (вводятся союзом *na*), б) *причинные* (чаще всего вводятся вариантом орудной частицы *sa*), в) *цели* (вводятся союзами *ched-du, phyir-du, sled-du*) и г) *временные* придаточные [там же: 155—156].

Далее мы приводим подборку примеров сложноподчиненных предложений (51)—(54), выбранных из тибетского текста, и соответствующих фрагментов перевода Тугмюд-гавджи, которые включают придаточные временные и придаточные условные; в них сказуемое, выраженное деепричастием, указывает на условие совершения действия, а само действие выражено заключительной глагольной формой. Во всех этих примерах в конце придаточного присутствует частица (союз) *na* (со значением «когда, если»). В примере (51) действие придаточного предложения предшествовало действию главного предложения, т. е. это пример придаточного *времени*, в то время как следующие три примера включают *условные* придаточные. При этом в примерах (52)—(53) только при условии осуществления действия придаточного может осуществиться действие главного предложения. Что касается примера (54), то действие главного предложения может явиться следствием невыполнения (неосуществления) действия придаточного предложения (в приведенных примерах придаточные предложения выделены подчеркиванием):

Тиб. [Dz]

- (51) *gzhan kun ni chung ma dang 'groggs te 'ongs na / blon po de 'ba' zhig gi chung ma ma 'ongs pas grogs po dag the tshom du gyur te /* 'Когда все другие пришли вместе с женами, а тот сановник пришел в одиночку без жены, тогда у друзей зародились сомнения' [Dz: 346—35a]
- (52) *gal te khyod dad ba'i sems kyis 'phags pa de dag la zhal zas kyis mchod na / 'phags pa de dag gis ni tshe de nyid la khyod ci dang ci 'dod ba de dag de dag dang ldan par mdzad do zhes smras so /* '«Если ты с мыслью о вере окажешь почтение этим святым, сделав подношение пищей, то тогда эти святые в этой жизни воистину осуществят все то, что ты желаешь», — так сказал' [Dz: 159б]
- (53) *bdag gis gnod pa byas na dus gsum gyi 'phags pa rnam la ngan sems bskyed pa yin no snyam bsams te* 'Если я нанесу вред (причину зло), то это будет сравнимо с тем, что пробудил недобрые мысли ко всем святым трех времен' [Dz: 184б]
- (54) *da 'dir ma 'phul na skye ba phyi ma la gar 'gro snyam ste* '«Если теперь не сделаем подношение, в последующих перерождениях где окажемся?» — подумал' [Dz: 184б]

Тугмюд-гавджи [OD]

- natki amitin gergetagen: xamdan irxla tere tunülin gergen uya yancar irxla ongdan nükiüdü dam setekel törji:* 'В то время как другие люди пришли с женами, тот сановник явился один без жены, поэтому у других друзей в мыслях закрались сомнения' [OD: 26a]
- čii söüzügin setekel[e]r xotuytun teden-dü zögolxü xotar taikixla xutuqtun teden yer: ene nasun-du yu: durlusun tere bolon toünla kücäji ögüdoq mön giji kelsin böi:* '«Если ты с мыслью о вере окажешь почтение этим святым, сделав подношение пищей, то тогда эти святые в этой жизни воистину даруют все то, что ни пожелаешь», — так сказал' [OD: 161б]
- bi ber xor kexla yurbüün cagin xutuqtun xamoqtü mu setekil öüskusun mön böi:* 'Если я нанесу вред (причину зло), то это воистину будет [сравнимо с тем], как если бы пробудил недобрые мысли ко всем святым трех времен' [OD: 281б]
- ödöge ende ise örgüxula xötü törldan älderen ottox giji bayasul üge bayinabe:* '«Если теперь не сделаем подношение, где окажемся в последующих рожденьях?» — так пребываю в печали' [OD: 110б]

Сказуемое временного придаточного может иметь форму и значение условного деепричастия, как в примерах (55) и (56): в первом описаны действия, происходящие последовательно друг за другом, во втором — одно действие («садился верхом») предшествует второму из описываемых («успевал объехать четыре материка»):

Тиб. [Dz]

- (55) *btson des rgyal po gshegs pa mthong nas dus te kha zas shig bslangs pa dang / rgyal pos kyang sbyin no zhes byas nas phyir pho brang du gshegs pa dang / brjed pa las* 'Тот арестант, когда увидел шествующего царя, в то время, когда попросил еды, царь сказал, что подаст, вновь вернулся во дворец и забыл' [Dz: 160a]

Тугмюд-гавджи [OD]

- tere küün xan ödo [=ödü] bolji yobsigii öüzäd: öülaiid [=öülid] xoto: surxola xan čigin öko bol[a]d xarü gerten ödo bol[a]d martosun böi:* 'Тот человек, увидев, что царь совершает прогулку, заплакал, и когда попросил еды, царь пообещал, что даст, вернулся домой и забыл' [OD: 162a]

В примере (55) один из двух временных оборотов с «когда» заменен разделительным деепричастием, поскольку обозначает наиболее раннее во времени действие.

Тиб. [Dz]

- (56) *rgyal po de la zhon na gzan bza' rin tsam gyis gling bzhi nas 'khor te mi ngal mi dub bo /* 'Когда царь садился на него верхом, то за одно принятие пищи (за одну трапезу) объезжал (огибал) четыре материка, не уставая и не утомляясь' [Dz: 183a]

Тугмюд-гавджи [OD]

- xan tüünigii unxula: xoto itxü xorondü dörbön tib ergedeq mön alzun cicurduq uge böi:* 'Когда царь садился на него верхом, за одно принятие пищи (за одну трапезу) успевал объехать четыре материка, не утомляясь, не уставая' [OD: 183a]

В примере (56) при передаче двойного отрицания переводчик пользуется отрицанием лишь однажды, что делает перевод более близким к структуре ойратской речи.

В следующем примере сказуемое временного придаточного, выраженное формой деепричастия предела, указывает на действие, которое совершается одновременно с действием основного глагола, завершающим предложение:

Тиб. [Dz]

- (57) *de'i tshe na seng ge de gnyid log ste nyal ba las rgon pas dug mda' phangs so* // 'В то время, когда тот лев лег и заснул, охотник пустил отравленную стрелу' [Dz: 1826]

Тугмюд-гавджи [OD]

- tere caqtü tere arslong untaji kebtetel angyučun xortai sumar xason böi*: 'В то время, когда тот лев спал (букв. 'лежа спал'), охотник выстрелил отравленной стрелой' [OD: 2816]

Ниже приведены примеры предложений, в которых сказуемое придаточного причинного выражено причастием со значением цели с послелогом *tulü* ('для, ради'); отметим при этом, что причастие может иметь аффикс род. п., как в примере (58), либо не иметь падежного показателя как в примере (59):

Тиб. [Dz]

- (58) *rgyal bu dge don rang bzhin gyis drang pas / nu bo la bdag cag gis rin po che thob na ci'i phyir ngo tsha zhes smras so* // 'Поскольку царевич Гедон сам по себе был откровенен, то сказал младшему брату: «Поскольку я обрел драгоценность, почему [должно быть] стыдно?»' [Dz: 1946]

- (59) *rgyal pos kyang gser srang stong bya dgar byin pas bram ze dbul po khyo shug gnyis yul de na shin tu phyug cing rin po che mang par gyur to* / 'Поскольку царь подарил тысячу золотых монет, бедные брахман с женой (букв. 'муж с женой') в той стране стали очень богатыми, завладели многочисленными драгоценностями' [Dz: 1616]

Тугмюд-гавджи [OD]

- xan kübuün ebir čilnryn šudürün tulü dūden bii ber erdne olson tulü yayad ičurute; bolxü giči kelsen böi*: 'Поскольку царевич сам по себе был прям (прямодушен), то сказал младшему брату: «Поскольку я нашел драгоценность, почему [должно] быть стыдно?!»' [OD: 195a]

- xan čigin menggan alto: šang ögüsüün tulü: üüigetēi birmin zalu gergin xoyor tere; oron-dü maš bayan bolon zöre olon boloqsini tulü üülu buyi keči erdene olon bolosoün böi*: 'Поскольку царь вручил в качестве вознаграждения тысячу золотых, и [от этого] бедные брахман с женой стали очень богатыми (очень разбогатели) в той стране, их имущество приумножилось, стали совершать добродетельные деяния, [так что] драгоценности приумножились' [OD: 163a—163b]

Последний из приведенных примеров (59) для нас примечателен тем, что в нем присутствует не-большое дополнение, сделанное переводчиком Тугмюд-гавджи, из которого следует, что брахманская супружеская чета, получив в дар от царя золотые монеты, приумножила свое состояние тем, что стала совершать добродетельные поступки. В этом фрагменте Тугмюд-гавджи проявил себя как буддийский проповедник, напоминающий читателям «Моря притч» в своем переводе о необходимости совершать добродетельные поступки, что является залогом приумножения благосостояния.

Выводы

Таким образом, на основе анализа текста перевода Тугмюд-гавджи в сопоставлении с его тибетским оригиналом мы можем отметить ряд характерных черт, присущих как тибетскому языку оригинала, так и языку перевода калмыцкого литератора. Можно видеть, что влияние тибетского оригинала на синтаксис ойратского перевода имеет место, но оно несистемно и неупорядоченно, в соответствии с тем, что интерференция языков обычно не имеет регулярных проявлений. Мы рассмотрели такие моменты, как порядок слов в предложении в ойратском переводе Тугмюд-гавджи, провели параллели между его переводом и текстом тибетского оригинала, сделали выборку примеров, иллюстрирующих типы предложений (по цели высказывания, структурные типы), отметили технику перевода, характерную для дословных переводов буддийских текстов, которая сводится к тому, что автор старается строго придерживаться исходного тибетского текста, стремясь не опускать его фрагменты или отдельные слова. Мы можем констатировать лишь единичные добавления в текст перевода, как в примере (59), которые, на наш взгляд, не искажают смысл исходного текста, а лишь дополняют и поясняют его в рамках предписаний буддийской догматики.

Рукопись "Oülgurun dalaï" (1968 г.), созданная на поздних этапах распространения, сохранения и бытования ойратского «ясного письма» (*todo bičiq*) среди калмыков, наряду с другими сохранившимися к началу XXI столетия раритетами, хранящимися в фондах Научного архива КалмНЦ РАН, является одним из ценнейших источников изучения переводческой традиции ойратов и калмыков, в особенности в середине XX в., о чем позволяет судить труд Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиева). По большому счету это уникальный образец для исследования литературно-книжной традиции ойратов и монгольских народов. Это прекрасный пример для подражания, для изучения навыков переводческой практики, основанной на

многовековых традициях, которых придерживались монгольские, ойратские и калмыцкие просвещенные монахи на протяжении последних нескольких столетий.

Вклад Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиева) в сохранение и трансляцию буддийской культуры для последующих поколений неоценим, а его труд продолжает оставаться важнейшим источником изучения буддийского вероучения, являющегося важным компонентом духовной культуры калмыков Поволжья, а также источником изучения ойратского письменного языка на поздних стадиях его бытования.

Сокращения

букв. — буквально
ойр. — ойратский

род. п. — родительный падеж
тиб. — тибетский

Литература

Источник мудрецов 1968 — Источник мудрецов. Тибетско-монгольский терминологический словарь буддизма. (Dag yig mkhas pa'i 'byung gnas). Подготовка текста, перев. и прим. Р. Е. Пубаева и Б. Д. Дандарона. Парамита и Мадхьямика. Улан-Удэ, 1968. {Source of Wise Men. The Tibetan-Mongolian terminological Dictionary of the Buddhism. (Dag yig mkhas pa'i 'byung gnas). Text preparation, translation and comment. by R. E. Pubaev and B. D. Dandaron. Paramita and Madhyamika. Ulan-Ude, 1968.}

Корнеев 2014 — Корнеев Г. Б. Некоторые проблемы тибето-монгольской интерференции в ойратских рукописных памятниках XVII в. (на материале сутры «Царь благих пожеланий») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014, 3. С. 11—118. {Korneyev G. B. Some problems of the Tibeto-Mongolian interference in Oirat hand-written monuments of the 17th century (On a material of the sutra “The King of Good Wishes”) // Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS. 2014, 3. P. 11—118.}

Корнеев 2015 — Корнеев Г. Б. Особенности функционирования вопросительных местоимений *ali* и *aliba* в ойратских переводах с тибетского языка (на материале сутры «Царь благих пожеланий») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015, 4. С. 132—136. {Korneyev G. B. Peculiarities of the functioning of the interrogative pronouns *ali* and *aliba* in Oyrat translations from the Tibetan language (on the material of the sutra “The King of Good Wishes”) // Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS. 2015, 4. P. 132—136.}

Кузнецов — Кузнецов Б. И. Грамматика тибетского языка: морфология и синтаксис. Л. [s.a.]. {Kuznetsov B. I. Grammar of the Tibetan language: Morphology and Syntax. Leningrad, [s.a.]}

Мирзаева 2015 — Мирзаева С. В. О падежной парадигме в памятнике монгольской переводной литературы XVII—XVIII вв. «Повесть о царевиче Манибадре» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015, 3. С. 186—193. {Mirzaeva S. V. On the case paradigm in the monument of Mongolian translated literature of the 17—18th centuries “The Tale of the Prince Manibadra” // Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS. 2015, 3. P. 186—193.}

Музраева 2007 — Музраева Д. Н. О графической системе Тугмюда-гавджи (1887—1980) (на материале перевода «Сутры о мудрости и глупости») // Живой язык: Теоретические и социокультурные аспекты функционирования и развития современных монгольских языков. Материалы межд. научн. конф. Элиста, 2007. С. 94—95. {Muzraeva D. N. On the graphical system of Tugmud-gavji (1887—1980) (on the material of the translation of “The Sutra of the Wise and the Fool”) // Living language: Theoretical and sociocultural aspects of the functioning and development of modern Mongolian languages. Materials of the scientific conf. Elista, 2007. P. 94—95.}

Музраева 2008 — Музраева Д. Н. О лексических особенностях перевода тибетского сочинения «Сутра о мудрости и глупости», выполненного Тугмюд-гавджи // О тенденциях взаимодействия и взаимовлияния русского и национальных языков в современной России. Материалы общероссийской научной конференции (Элиста, 19—20 сентября 2007 г.). Элиста, 2008. С. 174—178. {Muzraeva D. N. On the lexical features of the translation of the Tibetan work “The Sutra of the Wise and the Fool”, carried out by Tugmud-gavji // On the Tendencies of Interaction and Interference of the Russian and National Languages in Modern Russia. Materials of the all-Russian scientific conference. Elista, 2008. P. 174—178.}

Музраева 2012 — Музраева Д. Н. Опыт археографического описания и текстологического анализа рукописного перевода Тугмюд-гавджи (на материале VI главы *Oülgurun dalai* «Моря притч») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012, 3. С. 167—185. {Muzraeva D. N. Experience of archaeographic description and textual analysis of the hand-written translation of Tugmud-gavji (based on the 6th chapter of “The Sea of Parables” (*Oülgurun dalai*)) // Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS. 2012, 3. P. 167—185.}

Музраева 2013 — Музраева Д. Н. Тибето-монгольская повествовательная литература XVII—XVIII вв. (Переводные письменные памятники на монгольском и ойратском языках). Элиста, 2013. {Muzraeva D. N. Tibetan-

Mongolian narrative literature of the 17th—18th centuries (Translated written monuments in Mongolian and Oirat languages). Elista, 2013.}

Музраева 2015 — *Музраева Д. Н.* К проблеме изучения языка письменных памятников конца XVI — XVIII вв. (на материале монгольских и ойратских переводов тибетской «Сутры о мудрости и глупости») // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* / Отв. ред. *Н. Н. Казанский*. Т. XI. Ч. 3 / Сост. и ред. тома *П. О. Рыкин*. СПб., 2015. С. 259—273. {*Muzraeva D. N.* To the problem of studying the language of written monuments of the late 16 — 18th centuries (on the material of Mongolian and Oirat translations of the Tibetan “Sutra of the Wise and the Fool”) // *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies of the RAS*. Т. XI. Part 3. St. Petersburg, 2015. P. 259—273.}

Мушаев 2005 — *Мушаев В. Н.* Структура и семантика калмыцкого предложения / Отв. ред. *Д. Б. Дорджиева*. Элиста, 2005. {*Mushaev V. N.* The Structure and Semantics of the Kalmyk sentence / Ed. *D. B. Dordzhieva*. Elista, 2005.}

Омакаева 1987 — *Омакаева Э. У.* Некоторые вопросы грамматики старописьменного монгольского и тибетского языков в сравнительном освещении // *Филологические исследования старописьменных памятников*. Элиста, 1987. С. 63—73. {*Omaeva E. U.* Some questions of the grammar of old-written Mongolian and Tibetan languages in comparative light // *Philological studies of old-written monuments*. Elista, 1987. P. 63—73.}

Орловская 2000 — *Орловская М. Н.* Язык монгольских текстов XIII—XIV вв. М., 2000. {*Orlovskaya M. N.* The language of Mongolian texts of the 13—14th centuries. Moscow, 2000.}

Орловская 2010 — *Орловская М. Н.* Очерки по грамматике языка древних монгольских текстов. М., 2010. {*Orlovskaya M. N.* Essays on the grammar of the language of ancient Mongolian texts. Moscow, 2010.}

Очиров 1964 — *Очиров У. У.* Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис / Отв. ред. *Г. Д. Санжеев*. Элиста, 1964. {*Ochirov U. U.* Grammar of the Kalmyk language. Syntax / Ed. *G. D. Sanzhev*. Elista, 1964.}

Парфионович 2007 — *Парфионович Ю. М.* Тибетский письменный язык / Отв. ред. *Плам Ю. Я.* Изд. 4-е, стереотип. М., 2007. {*Parphonovich Ju. M.* Tibetan written language / Ed. *Plum Yu. Ya.* 4th ed., stereotyped. Moscow, 2007.}

Пюрбеев 1979 — *Пюрбеев Г. Ц.* Типы сложных предложений в монгольских языках. М., 1979. {*Purbeev G. Ts.* Types of complex sentences in Mongolian languages. Moscow, 1979.}

Пюрбеев 2010 — *Пюрбеев Г. Ц.* Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис / Отв. ред. *Т. А. Бертагаев*. 2-е изд., перераб. Элиста, 2010. {*Purbeev G. Ts.* Grammar of the Kalmyk language. Syntax / Ed. *T. A. Bertagayev*. 2nd ed., revised. Elista, 2010.}

Рерих 1961 — *Рерих Ю. Н.* Тибетский язык. М., 1961. {*Rerich Ju. N.* The Tibetan language. Moscow, 1961.}

Ходж 1997 — *Ходж С.* Введение в классический тибетский язык / Пер. с англ. *Б. М. Нармаева*. СПб., 1997. {*Hodge S.* Introduction to classical Tibetan / Transl. from English by *B. M. Narmaev*. St. Petersburg, 1997.}

Цыбиков 1908 — *Цыбиков Г. Ц.* Пособие для тибетского языка. Ч. 1. Владивосток, 1908. {*Tsybikov G. Ts.* A manual for the Tibetan language. Part 1. Vladivostok, 1908.}

Шмидт 1839 — *Шмидт Я.* Грамматика тибетского языка. СПб., 1839. {*Schmidt Y.* Grammar of the Tibetan language. Saint Petersburg, 1839.}

Яхонтова 1986 — *Яхонтова Н. С.* Влияние тибетского языка на синтаксис ойратских переводов // *Mongolica. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова. 1884—1931*. М., 1986. С. 113—117. {*Yakhontova N. S.* The influence of the Tibetan language on the syntax of Oirat translations // *Mongolica. In memory of Academician Boris Yakovlevich Vladimirtsov. 1884—1931*. Moscow, 1986. P. 113—117.}

Яхонтова 1996 — *Яхонтова Н. С.* Ойратский литературный язык XVII в. М., 1996. {*Yakhontova N. S.* Oirat literary language of the 17th century. М., 1996.}

Dag yig 1988 — *Dag yig mkhas pa'i 'byung gnas*. Merged yarqu-yin oron. Janggiy-a Isidanbirome jokiyaba. Jamyantüben Joriyütu kinaju tayilburilaba // *Mongyol tuluyur bičig-ün čuburil*. — *Ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a*. Begejing, 1988.

Dz — 'Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo ('Сутра о мудрости и глупости'). Ксилограф на тибетском языке. — Научный архив КалмНЦ РАН. Ф—8 (Фонд редких рукописей). Описание 1. Ед. хр. 1. 172 л. (Поступил от О. М. Дорджиева). {*'Dzangs blun zhes-bya-ba theg-pa chen-po'i mdo* ('The Sutra of the Wise and the Fool'). Xylograph in the Tibetan language. — Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS. F—8 (Collection of Rare Manuscripts). Inventory No. 1. Unit 1. 172 fol. (Received from O. M. Dordzhiev).}

OD — *Oülgurun dalai* («Море притч»). Рукопись перевода Тугмюд-гавджи на ойратском «ясном письме» («тодо бичиг») — Научный архив КИГИ РАН. Ф—8 (Фонд редких рукописей). Описание 1. Ед. хр. 2. Тетради 1—4. 289 л. {*Oülgurun dalai* ('The Sea of Parables'). The manuscript in Oyrat "Clear Script" ('Todo bičiq') / The Author of Translation — *Tugmud-gavji*. — Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS. F—8 (Collection of Rare Manuscripts). Inventory No. 1. Unit 2. 172 fol. Notebooks 1—4. 289 fol.}

Rákos 2002 — *Rákos A.* Written Oirat (Languages of the World, 418.) München, 2002.